

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖ. Р. ЛЭНКФОРД

ТАЙНЫЙ МЕССИЯ



МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л92

J. R. Lankford
THE COVERT MESSIAH
© 2013 by Jamilla Rhines Lankford

Оформление серии А. Саукова
Иллюстрация на переплете А. Дубовика

Лэнкфорд, Дж. Р.
Л92 Тайный мессия / Дж. Р. Лэнкфорд ; [пер. с англ. А. Овчинниковой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 368 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-80628-7

Восемнадцать лет назад глубоко верующий ученый-генетик из лучших побуждений совершил немыслимое святотатство — клонировал образец ДНК, похищенный с Туринской плащаницы. Рождение клона Иисуса взбудоражило весь мир: кто-то поверил в возвращение Спасителя, кто-то отверг саму мысль как богохульную, а кто-то попытался использовать ребенка в собственных целях. Многие годы считалось, что святой клон погиб и все закончилось... Но теперь он вернулся и, как встарь, проповедует тем, кто готов его слушать. Его появление сопровождается землетрясениями и погодными аномалиями. Что это — быть может, конец света? А если это действительно второе пришествие мессии — не закончится ли оно так же, как первое?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-80628-7

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Моей семье

Этот роман — выдумка. Все имена, персонажи, места и события — либо плод воображения автора, либо использованы в вымышленном контексте.

На свете есть люди, которые творят больше добра, чем все филантропы и государственные деятели, вместе взятые. Сами того не сознавая, ненамеренно, такие люди излучают мир и добро и ужасно удивляются, когда им говорят, что они творят чудеса. Да, не принимая ничего на свой счет, они не гордятся и не жаждут заслужить хорошую репутацию. Они просто не могут пожелать ничего для себя лично, даже радости от того, что помогают другим. Зная, что Бог добр, они живут в мире.

*«Я есть То»,
Шри Нисаргадатта Махарадж*



Глава 1

Я не ожидала, что встречу своего сына спустя восемь лет после его смерти.

При ярком свете, в толпе, я чуть было не проглядела Джесса. Рассвет только что превратил озеро Лугано в жидкие бриллианты.

Я была на *mercato del sabato*¹, рынке в Порлецце, который каждую субботу устраивали на берегу. К тому времени я привыкла к озерам Северной Италии — к их экстравагантной ауре, к окрестностям зеленых альпийских холмов, к прибрежным рынкам близ средневековых городков (каждый из этих рынков собирался в свой особый день).

Когда Джессу было всего несколько часов от роду, я принесла его к озеру Маджоре — самому большому озеру к востоку от Лугано. Нет, «принесла» — не совсем верно сказано. То было бегство. Потом, спустя год после того, как он погиб в возрасте десяти лет, я привезла его маленького брата Питера на озеро Комо к востоку отсюда. И «привезла» — тоже неверное слово. Я, Питер и Адамо, человек, за которого я вышла замуж, прятались там на вилле. Питер и Адамо отправлялись на рыбалку, а я проводила день, притворяясь, будто мы самая обычная семья.

Сегодня Джессу исполнилось бы восемнадцать лет.

Он стоял под нарисованной от руки рекламой, расхваливавшей сыр «рикотта ди мукка». Я мельком заметила

¹ Субботний рынок (*итал.*). (Здесь и далее прим. перев.)



родинку в форме полумесяца у него на подбородке — такую же, как на моем собственном. Свет сочился сквозь белые занавески ларька неподалеку, так что трудно было разглядеть детали. Рядом какой-то человек играл на аккордеоне. Женщина в фартуке зачерпывала оливки из глиняной миски. Само собой, мой логический ум тут же включился и сказал мне, что сейчас, в моем-то возрасте (а мне было уже пятьдесят четыре), меня подводят глаза.

— *Ciao, mia cara madre*¹, — сказал он.

Этот голос мог быть только голосом Джесса, хотя и повзрослевшего на восемь лет.

Наверное, я выронила свою большую хозяйственную сумку и потеряла сознание, потому что в следующий миг поняла, что лежу на земле, глядя на ноги прохожих, что голова моя покоится на чем-то, пахнущем раздавленными апельсинами, а мой драгоценный Джесс склоняется надо мной.

Вокруг собрались зеваки, глазающие главным образом на Джесса.

— *Mia madre è bene*, — сказал он, помогая мне встать. «С моей мамой все в порядке».

Люди начали кидать быстрые взгляды исподтишка то на темные локоны Джесса и его оливкового цвета кожу, то на меня, Мэгги Даффи Морелли, — с кожей цвета темной сиены, африканку, по крайней мере по происхождению. Кто-то принес уцелевшее содержимое моей сумки и протянул Джессу. Несколько человек последовали за нами, когда он подвел меня к скамье на берегу озера, помог сесть и сам уселся рядом со мной.

Все еще ошеломленная, я молчала.

Я знала, что это Джесс. Я знала, что он здесь. Я знала, что он умер.

¹ Здравствуй, дорогая мама (*итал.*).



— На этот раз ты настоящий? — прошептала я, наконец обретя голос.

Сын являлся мне во сне, так похожем на явь, после рождения Питера семь лет тому назад.

Теперь он положил ладонь на мою спину и ответил:

— Я настоящий в том смысле, который ты имеешь в виду.

У меня в голове вертелись тысячи тревожных вопросов, начиная с того, как он здесь оказался и как долго собирается остаться, но в тот миг я просто сидела на скамье, дивясь тому, что он держит руку у меня на спине.

— *Siete tutta la destra, signora?*

«Вы в порядке, мэм?»

Это спросил мужчина в серой рубашке и коричневой фетровой шляпе. Все это время он смотрел на мальчика. Как и женщина в фартуке из ларька с оливками, и девушка в очках и длинном розовом платье, с золотисто-каштановыми волосами, стянутыми на затылке, и пожилая женщина, которую я узнала по большим красным цветам на блузке. Она держала обувной магазинчик и оставила его, чтобы прийти сюда. Теперь я могла разглядеть лишь половину оранжевого круга сыра «ригателло» над сырной лавочкой, потому что люди прекратили торговать и покупать и столпились неподалеку. Они все таращились на Джесса, и я поняла почему.

Он сиял, как алмазная гладь озера. Я скорее чувствовала эту ауру, чем видела, как будто счастье, явившееся на рынок Порлепцы, приняло обличье мальчика. На нем были брюки цвета охры и голубая рубашка поло, но эта синь была цветом из радуги, а охра — цветом неба после грозы. При более пристальном взгляде его кожа выглядела такой же радужно-переливчатой, как перламутровые гребни моей матери.

— Это действительно ты, Джесс? — спросила я.



Он смотрел на меня, и в глазах его были мир и сила. На меня еще никогда не смотрели с такой любовью.

Девушка в очках, наверное, тоже почувствовала это, потому что глаза ее налились слезами. Люди забормотали, нарушив тишину. Человек в фетровой шляпе нахмурился, словно ожидая объяснений.

Мальчик как будто ничего не замечал.

Нужно было что-то сделать, поэтому я подалась к нему:

— Джесс, милый. Люди смотрят...

— Кто вы? Что вам тут нужно? — спросил человек в фетровой шляпе.

Джесс вскинул глаза, и девушка в очках начала плакать. Как и женщина, владевшая обувным магазинчиком. Их слезы только расстроили этого человека.

— Я спросил: кто вы?

Вокруг заговорили громче. Это был радостный гомон.

— Милый, — повторила я.

Джесс сказал:

— А!

Он как будто повернул выключатель, и его рубашка и брюки сделались нормального цвета. Он перестал сиять. Он стал просто восемнадцатилетним парнишкой.

— С тобой все в порядке, мама?

Он смахнул кусочки апельсина с моих волос.

— Да, — ответила я, хотя это было не так.

— Vien.

«Пойдем».

Он взял меня за руку и поднял мою сумку. Радостно улыбаясь, уверенно кивая, он повел меня через ошеломленную толпу субботнего рынка Порлеппы.

Я охотно следовала за ним; отчаянно хотелось его обнять, но, когда мы добрались до улицы, все или смотрели на нас, или шли в нашу сторону. Я перехватила взгляд женщины в блузке с цветами. Должно быть, у меня бы-



ло умоляющее лицо, потому что она закричала рыночной толпе:

— Почему вы докучаете мальчику и его матери? Они вам ничего не сделали!

Те, кто следовал за нами, помедлили, внезапно придя в себя. Смущенно опустив глаза, они вернулись на рынок, к своим покупкам — все, кроме человека в фетровой шляпе, который свирепо смотрел на нас, пока Джесс ловил такси.

— Куда угодно, пожалуйста, — сказал он шоферу.

Машина отъехала от набережной, и я наконец с ликующим криком обняла сына. Джесс положил голову мне на плечо, как будто ему все еще было десять лет.

Водитель такси улыбнулся. В Италии очень любят нежную привязанность членов семьи друг к другу. Что касается меня, мое сердце готово было разорваться, когда я обнимала своего давно потерянного сына, чувствовала под пальцами его локоны, прикасалась к его рукам, чтобы убедиться — он настоящий человек, а не тень.

Мы сидели обнявшись, и наши лица были влажными от слез.

— Джесс, ты здесь! Ох, милый, как я по тебе скучала!

— Dear Madre. Я никуда и не исчезал. Я всегда был здесь.

Вытирая слезы при виде воссоединения счастливой семьи, водитель гнал от озера Лугано, а я обнимала клона Иисуса из Назарета, который умер и теперь вернулся.

Глава 2

Зак Данлоп пробирался через толпу, запрудившую в обеденное время Уолл-стрит, — он направлялся к парку Боулинг-Грин. Почти все сделки сегодня пошли наперекосяк, и он хотел пообедать в парке, на зеленой лужайке



в форме слезы. Оттуда он смог бы понаблюдать, как туристы осаждают знаменитого «Атакующего быка»¹. У него наверняка поднимется настроение при виде того, как люди, чтобы приманить удачу, трут яйца символа фондовой биржи — грозного массивного животного, застывшего в яростном рывке и бессильного защитить свои интимные места от ежедневного ласкового поглаживания.

Произошло еще одно землетрясение.

У Зака был друг в геологической службе США, который любил говорить, что движения земли так обычны, что существует стопроцентный шанс на ежедневные землетрясения, но магнитуда 6.0 в Коннектикуте? Зак представил, как менеджеры инвестиционной компании в Гринвиче, одном из спальных пригородов Уолл-стрит, убирали нынче ночью упавшую штукатурку. Для Зака землетрясение было еще одним сигналом начать приготовления к тому, чего он не мог обсуждать, — к концу света. Невозможно было представить, чтобы фондовая биржа не открылась ударом колокола. Однако люди вели себя все более безумно, то и дело возникали странные стихийные бедствия, и Зак чувствовал в воздухе некую вибрацию. Он планировал сегодня позвонить своему другу-геологу. Потом он поищет в «Гугле», какие территории, по предсказаниям медиумов, будут безопасными, а какие исчезнут.

Его мобильник просигналил — пришла эсэмэска, сообщавшая, что акции «Амер-кан», канадской горнорудной компании, за которой Зак наблюдал, снова резко поднялись в цене. Обычно они котиrowались ниже 2800, но теперь преодолели уровень сопротивления и продавались

¹ «Атакующий бык» (или «Бык на Уолл-стрит») — огромная бронзовая статуя приготовившегося к атаке быка, символ финансового оптимизма и процветания, одна из самых популярных достопримечательностей Нью-Йорка.



по 3000 и выше. Поскольку в новостях не было ничего об «Амер-кан», Зак навел справки и пришел к выводу, что некоторые маклеры втихомолку наживаются на своем преимуществе, зная то, чего не знают другие. Кто они? Может, высокопоставленные лица из «Амер-кан», стремящиеся втайне поохотиться, прежде чем сделают большое объявление? Насторожившиеся брокеры вроде Зака заметили перемены и теперь стремились попасть в струю.

Зак позвонил по личной линии своему исполнительному директору.

— Блэкман слушает, — ответил тот.

За глаза все называли его Крестным Отцом.

— Это Зак. Покупайте «Амер-кан».

— Вы уверены, Зак?

— Полностью.

— «Амер-кан», на два миллиона, — бросил Блэкман своему помощнику. А Заку сказал: — А я-то уже ждался ваших советов. Теперь наблюдайте за акциями.

— Не беспокойтесь. Если кто-нибудь и примет удар судьбы из-за «Амер-кан», это не будет «Силвермен Алден инвестментс», сэр, — сказал Зак.

Не то чтобы фирма следовала бумажно-денежным стандартам, которые превыше всего ставили интересы клиента. Нет. «Силвермен» действовал, исходя из ситуации, что позволяло расширять интересы фирмы за счет клиента.

Зак слишком хорошо знал Крестного Отца, чтобы спрашивать, как тот будет распределять барыши, полученные с помощью акций «Амер-кан». Данлоп надеялся, что тот будет действовать честно, но контролировать мог только те дела, которыми управлял лично.

К его удивлению, Крестный Отец продолжал:

— Я беспокоюсь, Зак. Вы знаете, как вас зовут?



Данлоп знал.

— Бабушкиным брокером.

— Помогите мне понять, почему вы сосредоточились на этих «вдовьих вкладах».

— Тот, кто делает такой вклад, — простой человек, который держится за свою работу, копит и разумно пристраивает сбережения, чтобы после его смерти дом был оплачен, внукам было на что учиться в колледже, а жена отправилась в круиз вокруг света, как только перестанет оплакивать его смерть.

— Вы восхищаетесь такими парнями.

— Я сам был бы таким парнем, если бы не разбогател раньше, чем мне исполнилось тридцать.

— О, понимаю. Это не преступление — быть гением на бирже, Зак.

— Я еще посмеюсь над теми, кто смеялся надо мной. Я вложил свои «вдовьи вклады» в надежные ценные бумаги. Приготовился к следующему взлету, а не к следующему падению.

— Зак, правильно угадать насчет дюжины маленьких вкладов — не так полезно для фирмы, как правильно угадать насчет одного очень большого вклада.

— Знаю, но сейчас такое время, что опасно предпринимать большие шаги.

— Как скажете. Будем надеяться, что вы правы.

Крестный Отец дал отбой, не попрощавшись.

Зак посмотрел на свой мобильник, покачал головой, потом улыбнулся, приближаясь к быку — жертве туристов. Из-за облепивших быка зевак видны были только верх спины и задранный хвост. Рынок все еще не оправился после последней большой атаки «быков». Миллиарды, вложенные в ничего не стоящие закладные, обрушили мировую экономику. Не то чтобы такие «мыльные пузыри» были в новинку. Начиная с «Компании Южных



морей»¹ в 1720 году — вся Англия тогда вкладывала деньги в предприятие, которое ничего не производило и ничего не продавало, — и кончая дотками 1990-х годов², когда миллионы были вложены в компании, не имевшие ничего, кроме веб-сайта. «Пузыри» надувались и лопались, когда объединялись беспринципность и тупость. Тогда, как и сейчас, правительствам приходилось спасать банки после таких лопнувших «пузырей».

Мобильник Зака зазвонил. Это была его жена, которую он в первую очередь должен был подготовить к концу света, не говоря о нем прямо.

— Привет, Зак. Как проводишь день?

— Пытаюсь помешать моим вдовам потерять то, что всю жизнь зарабатывали их мужья.

Он не добавил: «На тот случай, если конец света не наступит».

— А ты как, Зения?

— Перестань хандрить. Ты все исправишь. Ты всегда это делаешь.

Он не сказал: «Я делал это тогда, когда фондовый рынок имел смысл».

¹ «Компания Южных морей» — английская торговая компания, финансовая пирамида. Предприятие было основано в 1711 году. Акции приобретали многие титулованные особы. Рекламируя имена этих акционеров, компания привлекала все новых покупателей. В 1720 году компания потерпела крах и объявила себя банкротом. Тысячи инвесторов были разорены, среди них сэр Исаак Ньютон и Джонатан Свифт.

² «Пузырь доткомов» — экономический «пузырь», который образовался в конце 1990-х годов из-за появления большого количества интернет-компаний (обычно имевших сайт на домene.com, отсюда название). Их акции баснословно взлетели в цене. Утверждали, что наступила «новая экономика», на самом же деле эти новые бизнес-модели оказались неэффективными, а средства, потраченные в основном на рекламу и большие кредиты, в итоге привели к волне банкротств.